

Check for updates

Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

УДК 82

EDN PJZFRH

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-379-388>

Цирк в повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) как антипод народного театра

Е. И. Анненкова ^{✉1}, И. А. Косачева ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Анненкова, Е. И., Косачева, И. А.
(2025) Цирк в повести
Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый
мальчик» (1883) как антипод
народного театра. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 7, № 4, с. 379–388.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-379-388> EDN PJZFRH

Получена 13 октября 2025; прошла
рецензирование 1 ноября 2025;
принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. И. Анненкова,
И. А. Косачева (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В статье проводится детальный сравнительный анализ эстетики циркового представления в повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» с традициями народного театра. Исследование раскрывает особенности изображения циркового пространства в контексте традиций русской литературы и массовой городской культуры XIX века. Авторы выявляют фундаментальное противоречие между карнавальной природой народного театра и трагической атмосферой цирка в произведении Григоровича. В работе показано, как писатель, опираясь на принципы реализма, разрушает традиционные представления о цирке как пространстве веселья и праздника, демонстрируя его закулисную жизнь и социальные противоречия. Особое внимание уделяется исторической взаимосвязи циркового искусства с народной смеховой культурой, при этом подчёркивается, что в повести эта связь трансформируется. Глубокий анализ произведений Григоровича 1840-х годов позволяет проследить эволюцию авторского взгляда на взаимодействие народной эстетики и реалистического метода. Авторы также рассматривают специфику создания особой карнавальной действительности в народном театре и цирке, отмечая различия в средствах художественной выразительности и атмосфере представлений. Анализ цирковой эстетики в сравнении с эстетикой народного театра обнаруживает в повести Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) разрушение представления о цирке как пространстве смеха и всеобщей радости. Полученные результаты открывают новые перспективы для изучения роли народной культуры в поэтике натуральной школы и позволяют по-новому взглянуть на творчество Д. В. Григоровича в контексте развития русской литературы XIX века. Исследование вносит значительный вклад в понимание трансформации народных традиций в условиях городской массовой культуры.

Ключевые слова: Д. В. Григорович, «Гуттаперчевый мальчик», «Петербургские шарманщики», народный театр, цирковая эстетика, натуральная школа

Circus in the novella *The Gutta-Percha Boy* (1883) by D. V. Grigorovich as the antipode of folk theater

E. I. Annenkova ¹, I. A. Kosacheva¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb, Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Annenkova, E. I., Kosacheva, I. A. (2025) Circus in the novella *The Gutta-Percha Boy* (1883) by D. V. Grigorovich as the antipode of folk theater. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 379–388. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-379-388> EDN PJZFRH

Received 13 October 2025;
reviewed 1 November 2025;
accepted 8 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. I. Annenkova, I. A. Kosacheva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article provides a detailed comparative analysis of the aesthetics of circus performance in D. V. Grigorovich's novella *The Gutta-Percha Boy* with the traditions of folk theater. The study examines the depiction of the circus space within the context of the 19th-century traditions of Russian literature and mass urban culture. The authors identify a fundamental contradiction the carnival nature of folk theater and the tragic atmosphere of the circus in Grigorovich's work. The article demonstrates how the writer, relying on the principles of realism, destroys the traditional ideas of the circus as a space of fun and celebration, revealing its behind-the-scenes life and social contradictions. Special attention is paid to the historical relationship between circus art and the folk culture of laughter, emphasizing that in the novella this connection is transformed into the opposite phenomenon. The in-depth analysis of Grigorovich's works from the 1840s makes it possible to trace the evolution of the writer's view on the interaction between folk aesthetics and the realistic method. The article also considers the specifics of creating a distinct carnival reality in folk theater and circus, noting the differences in their means of artistic expression and performance atmospheres. This comparative analysis of circus and folk theatre aesthetics in *The Gutta-Percha Boy* demonstrates the dismantling of the perception of the circus as a space of laughter and universal joy. The findings open up new perspectives for studying the role of folk culture in the poetics of the Natural School, offering a fresh look on Grigorovich's work within the development of 19th-century Russian literature. The study makes a significant contribution to the understanding of the transformation of folk traditions in urban mass culture.

Keywords: D. V. Grigorovich, *The Gutta-Percha Boy*, *The Petersburg Organ Grinders*, folk theatre, circus aesthetics, Natural School

Творчество Д. В. Григоровича 1840-х годов и более позднего периода принято рассматривать в контексте натуральной школы. В 1883 году в журнале «Нива» (№1–3) была опубликована повесть «Гуттаперчевый мальчик». Выход произведения ознаменовал возвращение автора к литературной деятельности после 23 лет перерыва, которую Григорович на время оставил после написания «Пахатника и бархатника» (1860).

К повести «Гуттаперчевый мальчик» не раз обращались критики, современники и исследователи творчества автора. Первый аспект изучения повести 1883 года — обращение к социальной проблематике, теме обездоленного детства в произведении: отношение к детям в обществе (Жукова 2014; Мещеряков 1976); жестокость в обращении с ребёнком (Тыщук 2021); смертность детей-артистов в цирке (Логвинова, Малянова 2020). В литературоведении сложилась традиция рассматривать «Гуттаперчевого мальчика» (1883) как произведение, которое продолжает традиции натуральной школы, освоен-

ные Григоровичем в 1840-е годы (Манн 1989). Исследователи неоднократно подчёркивали реалистическую направленность повести: «правдивый и реальный очерк» (Лотман 1955, 617); «повесть <...> реалистически-художественное обобщение социального явления» (Старовойтова 2023, 341); «в основе повести лежит реальный сюжет <...> Григорович творит в русле натуральной школы» (Логвинова, Малянова 2020, 52–53).

Действительно, на художественное своеобразие повести в значительной мере повлияла поэтика натуральной школы. В «Гуттаперчевом мальчике» Григорович раскрывает парадную и неприглядную стороны жизни, полные противоречий, отказывается от оптимистичного финала, а также отвергает эстетизм, указывая на противоречивый характер действительности. В повести судьба и жизнь героев определена их социальным положением. Например, акцент ставится на том, что Петя родился в бедной семье, рано остался без матери. От всех обычных детей его отличает врождённая гибкость,

необходимая для выступлений в цирке. В произведениях натуральной школы «социальное место человека — эстетически значимый фактор. Чем ниже человек на иерархической лестнице, тем менее уместным по отношению к нему были насмешка, сатирическое утрирование, включая применение мотивов анималистики» (Манн 1989, 388). Григорович отказывается от иронии, когда начинает описывать судьбу Пети. Однако писатель намеренно усиливает сентиментальный тон, начиная рассказ о его жизни: «Воспитанник акробата Беккера назывался “гуттаперчевым мальчиком” только в афишках; настоящее имя его было Петя; всего вернее, впрочем, было бы назвать его несчастным мальчиком. История его очень коротка; да и где ж ей быть длинной и сложной, когда ему минул всего восьмой год!» (Григорович 1988а, 241). В повести реализуется типичный для натуральной школы конфликт, «при котором какие-либо несчастья, аномалии, преступления, ошибки строго обуславливались прежними обстоятельствами, <...> развитие повествования состояло в выявлении и исследовании этих обстоятельств, хронологически подчас далеко отстоящих от своего результата» (Манн 1989, 393).

Несмотря на ярко выраженные физиологические и реалистические традиции натуральной школы в произведении (приближенность к действительности и быту, взаимосвязь социального положения и дальнейшей судьбы героев, отсутствие иронии по отношению к обездоленным персонажам), повесть «Гуттаперчевый мальчик» свидетельствует о выходе Григоровича за рамки тенденций творчества 1840-х годов. Отступления от поэтики натуральной школы проявили себя в сентиментальном и психологическом тоне (автор глубоко сочувствует происходящему), усиливающимся за счёт обращения к детским образам и введения темы искусства. Цирковое пространство, которое должно нести людям радость и смех и отражать представления о прекрасном, у Григоровича оказывается местом испытания и лишений для человека. В повести жизнь и черты главного героя, мальчика Пети, оказываются предопределёнными не только его происхождением, но и судьбой, о чём свидетельствует эпиграф повести.

Повествование предваряется словами, принадлежащими А. И. Куприну: «Когда я родился — я заплакал; впоследствии каждый прожитый день объяснял, почему я заплакал» (Григорович 1988а, 232). Элемент рамочной композиции соотносится с сюжетом повести и перекликается со сценой рождения Пети. В начале второй главы находим: «Новорождён-

ный явился на свет таким щедедушным, таким изнурённым, что мало даже подавал надежд прожить до следующего дня: если б не соотечественница Анны, прачка Варвара, которая, как только родился ребёнок, поспешила поднять его на руки и трясла его до тех пор, пока он не крикнул и не **заплакал**, — новорождённый действительно мог бы оправдать предсказанье» (Григорович 1988а, 242). Эпизод рождения подчёркивает кукольность образа героя, которая впоследствии отмечается Григоровичем во второй главе: «Петя был лёгок, как пух, гибок в суставах; недоставало, конечно, силы в мускулах, чтобы управлять этими природными качествами» (Григорович 1988а, 250). Для дальнейшего анализа повести важно отметить это качество в облике героя, так как имя героя связано с героем балаганных представлений — Петрушкой (в итальянской традиции — Пульчинелла).

Эпиграф обусловлен не только сюжетом повести, но и особенностью раскрытия в произведении циркового пространства.

Вместе с тем, фраза «Когда я родился — я заплакал...» отсылает читателя к ветхозаветному сюжету, который нашёл отражение в третьей главе книги Иова. Согласно нему, пророк проклял день своего рождения и тем самым обрёл себя на вечное противостояние с тьмой: «После того открыл Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов и сказал: погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмой; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная <...> О! Ночь та — да будет она безлюдна; да не войдёт в нее веселье!» (Книга Иова 2022).

Отсылка в эпиграфе к библейскому сюжету, согласно которому человек достанется тьме, во многом объясняет символику чёрного цвета в цирке. В тексте «Гуттаперчевого мальчика» встречаются прямые соответствия и производные, символизирующие темноту этого пространства: «до начала **сумерек**, и вдруг налетела туча» (Григорович 1988а, 232); «опустевшие ряды кресел, амфитеатр, верхние галереи — уходили в **темноту**, местами неопределённо **чернея**, местами пропадая в туманной мгле» (Григорович 1988а, 233); «во всем этом обширном тёмном пространстве» (Григорович 1988а, 233); «здание цирка **чернеет** всей своей массой» (Григорович 1988а, 274). Следовательно, эпиграф к повести не только предсказывает судьбу героя и трагический финал повести, но и соотносится с описаниями циркового пространства в тексте. За счёт введения символики тьмы и черноты

Григорович усиливает контраст человека и среды, который обнаружила литература 1840-х годов.

Дальнейшее раскрытие циркового пространства с характерными особенностями атмосферы и внутреннего устройства в «Гуттаперчевом мальчике» выдержано в традициях натуральной школы. Автор стремится к наибольшей реалистичности и точности описаний, обращается к закулисной жизни артистов и представлений. Григорович открывает читателю мир цирка с двух ракурсов: внешнего, доступного зрителю представления, и внутреннего, скрытого от глаз публики кулисами.

Вместе с тем, в первой главе писатель упоминает балаганы и цирк, представления в которых приурочены к празднованию Масленицы в Петербурге: «суета и давка особенно чувствовались на площади против **цирка**. Публика, выходявшая после утреннего представления, едва могла пробираться в толпе, валившей с Царицына Луга, где были **балаганы**» (Григорович 1988а, 232). В начале повести Григорович даёт конкретную ссылку на расположение балаганов и здания цирка. На Марсовом поле, Адмиралтейской площади и Царицыном Луге действительно устраивались балаганные и цирковые представления с середины XIX века. В книге А. В. Лейферта «Балаганы» приводится реплика раёшника, опубликованная в одной из петербургских газет: «На Царицыном Луге стоят балаганы, бьют в них барабаны, из ружей стреляют, войну изображают, турок побивают» (Лейферт 1922, 55). Балаганные представления сопровождали важные для народа праздники, такие как Масленица или Святки (Некрылова, Савушкина 1991). В балаганах часто разыгрывались представления фольклорного театра, который относится к поздним явлениям традиционной культуры (сформировался в начале–середине XVIII века, а его расцвет пришёлся на XIX век). В. Е. Гусев дал следующее определение народному театру: «вид публичных “простонародных” действ, сохраняющих специфические признаки традиционного искусства: синкретизм, импровизационность, вербальность, каноничность», для которого был характерен “простой юмор”» (Гусев 1980). Балаганные представления, как и другие формы народного театра, отличали непосредственное взаимодействие исполнителя и слушателя, весёлый характер действия, сотканность из разных мотивов, мозаичность и пестрота (Некрылова, Савушкина 1991), простой площадной юмор, «направленный на всех и на себя» (Савушкина 1976, 103).

Финал повести раскрывает местоположение здания цирка. В последней главе писатель называет улицу: «Там, в конце Караванной... Там, где здание цирка чернеет всей своей массой и теперь едва виднеется из-за падающего снега» (Григорович 1988а, 274). Ссылка на адрес цирка, где развернулось действие, точная дата — 26 октября 1877 года открылся итальянский цирк Чинизелли (ныне Большой Санкт-Петербургский цирк на Фонтанке). Правдивые ссылки на местоположение балаганов и цирка подтверждают тот факт, что в основу повести легли исторические реалии конца XIX века.

Григорович в начальном абзаце первой главы упоминает два вида массовой городской культуры. Народная (балаганы как разновидность фольклорного театра) и светская (цирковые действия) формы культуры предстают в некоем единстве. В «Гуттаперчевом мальчике» балаганные и цирковые представления сопровождают празднование пятого дня Масленицы в Петербурге: «солнце <...> прибавляло к весёлости и пестроте уличного петербургского населения, праздновавшего пятый день масленицы» (Григорович 1988а, 233). В «Гуттаперчевом мальчике» Григорович не останавливается на описании балаганов. Писателя больше интересует эстетика и особенности устройства цирка, который был распространён в городской среде в середине–конце XIX века. Упоминания или описания цирковой действительности встречаются во всех главах повести. Отказ от подробного описания балаганов (в тексте они называются лишь один раз), как представляется, связан со спецификой фольклорного театра. Народная культура не направлена на раскрытие социальной проблематики. Однако упоминание балаганов не только определено фактом их существования в XIX веке, но и связано с произведениями Григоровича 1840-х годов.

Первый опубликованный литературный опыт писателя, рассказ «Театральная карета» (1844), свидетельствует об особом интересе Григоровича к театральной теме и формам массовой культуры. В наиболее известном физиологическом очерке «Петербургские шарманщики» (1844) Григорович обращается к городскому площадному искусству шарманщиков и быту уличных артистов.

Тематические пересечения более ранних произведений писателя с повестью «Гуттаперчевый мальчик» (1883) становятся очевидными при соотнесении текстов на композиционном уровне. Например, и «Петербургские шарманщики» (1844), и повесть «Антон Горемыка» (1847), и рассказ «Деревня» (1846) и повесть

«Гуттаперчевый мальчик» имеют деления на главы. Физиологический очерк, написанный в 1844 году, разделен автором на семь глав, имеющих названия: «Вступление», «Разряды шарманщиков», «Итальянские шарманщики», «Русские и немецкие шарманщики», «Уличный гаер», «Публика шарманщика», «Заключение». Подобный композиционный приём связан с жанровыми канонами натуральной школы. Писатель «не только делит уличных музыкантов на разряды, но и прослеживает жизненный путь представителей каждого из них» (Красушкина 2017, 172). Повесть «Гуттаперчевый мальчик» тоже состоит из семи глав, но заглавия Григорович им не даёт. Отказ от называния композиционно выделенных частей произведения не связан с полным отступлением от принципов изучения действительности в рамках поэтики натуральной школы. Отсутствие членения текста на главы свидетельствует о том, что внешнее маркирование факта следования канонам физиологического очерка имеет для Григоровича меньшее значение (по сравнению с произведениями 1840-х годов).

Композиционное сходство повести с выше-названными литературными опытами 1840-х годов не только формально обнаруживается (в виде заметного деления на главы), но и проявляет себя на уровне характера отражения народной эстетики и её роли в произведениях. Если рассказ «Театральная карета» и очерк «Петербургские шарманщики» проникнуты по большей части светской тематикой — Григорович обращается к городской театрализованной культуре, то следующие произведения основаны прежде всего на народной эстетике, что отражается в названиях и эпиграфах. В рассказе «Деревня» (1846) каждая из девяти глав сопровождается эпиграфами двух видов: фольклорными («русская народная песня» (1 глава), «русская песня» (2, 6, 7, 9 главы), «русская простонародная пословица» (5 глава)) и литературными, представленными цитатами из стихотворений А. В. Кольцова (3, 4, 8 главы), активно обращая к устному народному творчеству. В повести «Антон Горемыка» (1847) эпиграфом служит пословица: «Живи, коли можется; / Помирай, коли хочется» (Григорович 1988b, 141). Использование фольклорных и литературных источников обусловлено тематикой «Деревни» и «Антон Горемыки», связанной с народным бытом.

В повести «Гуттаперчевый мальчик» (1883) эпиграф не связан с фольклорными и литературными источниками, а имеет религиозную природу. Однако в повести поэтика устного

народного творчества проявляется на лексическо-образном уровне при описании Пети и его учителя Беккера. Например, примечательным является сниженное сравнение акробата с быком — символом могущества и богатства в традиционной культуре славян (Демин 1997, 52): «Раздутое лицо акробата и его шея, толстая как у быка, были красны» (Григорович 1988a, 248). Главный герой, мальчик Петя, неоднократно сравнивается с цыплёнком, существом, символизирующим жизнь, но неспособным противостоять среде из-за ничтожности своих размеров: «воображению невольно представлялся тщедушный, неоперившийся цыплёнок» (Григорович 1988a, 240); «Петя судорожно ухватился за неё руками, начал кричать и биться, как цыплёнок под ножом повара» (Григорович 1988a, 247). Подобное сопоставление способствует усилению сентиментальности описания: герой обречён и не может справиться со средой, которая явлена в цирковом пространстве.

Фольклорная тематика проявляет себя и в физиологическом очерке «Петербургские шарманщики» (1844). Произведение содержит прямые отсылки к народному театру. В главе «Уличный гаер» Григорович включает в текст очерка диалоги Пульчинеллы (Петрушки), часть которых оформлены как прямая речь: «Здравствуйте, господа! Сам пришёл сюда, вас повеселить, да себе что-нибудь в карман положить! — так начинает Пучинелла.» (Григорович 1988b, 72); а часть — как отрывки из драматического произведения:

Капитан-исправник. Экой, братец, ты, со мною торгуешься! Много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то чтобы обижаться, а всеми силами стану стараться! (Григорович 1988b, 72).

В повести «Антон Горемыка» (1847) фольклорная поэтика тоже обнаруживается в диалогической форме, только вместо кукол разговаривают сами герои. В рассказе «Деревня» (1846) фольклорная поэтика, связанная с народным театром, реализуется в начале седьмой главы:

— Что словно черти обступили?.. что надо?..

— Небось чужое-то не своё — не жаль...

— Да ты чего лезешь?.. нешто твоё?

— А то чьё же?..

— Ну твоё, так твоё... и чёрт с тобою!..

— Вот мы те покажем чёрта...

— А что ты мне покажешь?..

— Да... а помнишь, как летось батька твой поймал на своих горохах мою кобылу да слупил целый рубль?.. этого ты не помнишь?

— А что мне помнить?..

— То-то, воронье пугало! теперь и тебе не уйти...

— Да чего те надо? леший!

— Э, брат! ты ещё куражишься... Хватай его, ребята!.. (Григорович 1988b, 117–118)

Приведенный фрагмент — диалог Петрухи Бездомного и Федоса Простоволосого — на уровне поэтики соотносится с диалогами Петрушки, героя одного из видов народного театра. Во-первых, имена героев (Петруха — то же самое, что и Петрушка), а также и диалогическая форма характерны для представлений народного театра. Во-вторых, фразы отрывисты, насыщены просторечными и разговорными словами, а также сниженной лексикой, за счёт чего в диалоге проступает площадной юмор, направленный на «всех и себя» (Савушкина 1976, 103). В-третьих, последняя реплика, произнесённая Федосом Простоволосым («Э, брат! ты ещё куражишься... Хватай его, ребята!..»), свидетельствует об отсутствии границы между героями и толпой. В приведённом диалоге реальное смешивается с карнавальным: диалог ведут персонажи, но их реплики и действия сливаются. Подобное отсутствие границы между публикой и актёрами является одним из важнейших признаков представлений народного театра (Савушкина 1976, 74).

Перейдем к особенностям цирка в повести «Гуттаперчевый мальчик». Пространство в повести отличается многообразием. Григорович останавливает внимание не только на петербургском цирке, где сосредоточено развитие сюжета с «гуттаперчевым мальчиком», но и вводит в текст краткое упоминание гастролей актёрской труппы в Ригу: «труппа со всем своим багажом, людьми и лошадьми перекочевала на летний сезон в Ригу» (Григорович 1988a, 249).

Для того чтобы понять своеобразие и роль цирковой эстетики в произведении, потребовалось обратиться к истории цирка. Так, в работе Ю. Дмитриева «Русский цирк» отмечалась историческая общность цирка и смеховой культуры скоморохов (Дмитриев 1953, 14). Исследование Н. И. Савушкиной дополнило эту связь цирка, имеющего общий источник с народным театром: цирковая эстрада восходит к той же ветви народных зрелищ (вероятные истоки — скоморохи), от которой берёт начало народный театр, эстрада, кукольный театр (Савушкина 1976, 122). Дальнейшее обращение к характерным особенностям народного театра и цирка позволило выделить их общие черты: массовость, особая атмосфера веселья, зрелищно-игровая направленность, общность бытования в XIX веке, а также приуроченность представлений к зна-

чимым праздникам и событиям. Несмотря на общие черты и историческую связь двух видов массовой культуры, эстетика цирка в «Гуттаперчевом мальчике» отличается от эстетики народного театра и цирка как такового, несмотря на внешнее сходство атмосферы.

Во-первых, отличия прослеживаются в способах создания особой карнавальной действительности. Представления народного театра оперируют словом, приёмами комического и простым юмором, т. е. тем, с помощью чего можно не только привлечь, но и удержать внимание площадной публики, создав образы в воображении зрителей. Организация словесного материала (монолог, диалог между персонажами, диалог со зрителем) становится более важной, чем само пространство и сопутствующие предметы. В цирке, представленном у Григоровича, средства создания атмосферы другие — декорации, внешние атрибуты, костюмы, сам круг арены; слова уходят на второй план: «вдоль закругленных коридоров громоздились сложенные декорации, расписные барьеры и табуреты, лестницы <...> Словом, тут находились все те предметы и приспособления, которые мгновенно переносят воображение к людям, перелетающим в пространстве [к артистам цирка. — И. К.]» (Григорович 1988a, 234). Важность внешних средств для создания атмосферы и перевоплощения также подтверждает образ клоуна Эдвардса, который на сцене «постепенно как бы оживал, воодушевлялся», а «без костюма, белил и румян Эдвардс представлялся только скучающим человеком, старательно избегавшим разговоров и столкновений» (Григорович 1988a, 238). Героя по его функции в цирковом представлении можно соотнести с фигурами ряженых в фольклоре. С помощью грима и костюмов Эдвардс преображался для выхода на арену, где всегда получал восторженные отзывы публики, однако его собственные внутренние переживания и личность отходили на второй план. Образ героя отличается от ряженых тем, что после выступлений карнавального очищения не происходит — клоун остаётся в начальной точке, отрыва от социальной реальности не происходит.

Во-вторых, в эстетике цирка в повести сама атмосфера отличается от действительности, отражённой в народном театре. Григорович использует приём контраста, раскрывая особенности внутренней жизни цирка. С одной стороны, цирк представлен как атрибут празднеств: «на Масленице любят веселиться, и потому цирк <...> был набит посетителями» (Григорович 1988a, 234); «встречались больше лица весёлые,

слышались по преимуществу шутки, хохот и посвистывание» (Григорович 1988а, 234). А с другой — Григорович акцентирует внимание на противоречивости атмосферы. Писатель показывает цирк как место, где «жизнь человеческая постоянно висела на волоске и с ней играли, как с мячиком» и где, несмотря на непривлекательную закулисную жизнь, «встречались больше лица весёлые, слышались по преимуществу шутки, хохот и посвистыванье» (Григорович 1988а, 234). Сравнение жизни с игрой указывает на ключевую особенность таких представлений — действия на грани невозможного и реального. Эстетика цирка в повести включает в себя социально-бытовые подробности, которые разрушают иллюзию. Контраст усиливается и при описании самого циркового представления — кульминации произведения, где восторженные крики «Браво», соседствуют с репликами «Довольно»:

— Браво!.. браво!.. — раздалось снова в зале.

— Довольно!.. довольно!.. — послышалось в двух-трех местах. (Григорович 1988а, 271)

Кроме того, в цирковом пространстве нет места естественному смеху, который В. Я. Пропп называл «ритуальным» (Пропп 1976). Цирковое представление, которое описывает Григорович, лишено подлинно карнавального смеха, свойственного народной культуре. Представления фольклорного театра и цирка как явление массовой городской культуры способны перенести зрителя в мир иллюзий из сферы социальных реалий. У Григоровича этого не происходит, и ощущение от праздника меняется. Веселье в цирке непостоянно и противоречиво, не имеет характера очищающего, в отличие от атмосферы представлений народного театра, где «карнавальное веселье — одна из обязательных составляющих наравне с «синкретизмом, импровизационностью, вербальностью и каноничностью» (Гусев 1977, 74).

В-третьих, расхождения наблюдаются и по отношению к бытовому контексту. Представления народного театра своим происхождением обязаны обрядовой культуре, где имели место магическая и эстетическая функции. «Выдвижение в обрядовых действиях на первый план эстетической функции» (Савушкина 1976, 15) и «демифологизация сознания» (отход от языческих представлений) (Савушкина 1976, 7) послужили основой для возникновения театрального искусства, в том числе и фольклорного. Источник эстетики определил весёлый характер зрелищ — «праздничная атмосфера была пронизана народным карнавальным весельем, с его свободой, фамильярностью, шутка-

ми» (Савушкина 1976, 50). В цирке, где существуют герои «Гуттаперчевого мальчика», не царит атмосфера особого веселья, несмотря на приуроченность к Масленице и её способности, как отметил в писатель, «пробуждать в душе человека чувство долга к употреблению блинов, услаждению себя увеселениями и зрелищами» (Григорович, 232). Трагический финал повести, а также постоянное использование символики чёрного цвета, темноты и мрака при описании здания цирка («там, где ночью здание цирка чернеет всей своей массой <...>, там также всё *темно и тихо* [курсив мой. — И. К.]» (Григорович 1988а, 274) разрушает привычное представление об исключительно праздничной атмосфере цирка.

Таким образом, анализ цирковой эстетики в сравнении с эстетикой народного театра обнаруживает в повести Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) разрушение представления о цирке как пространстве смеха и всеобщей радости. Писатель сохраняет реалистическую манеру описания, принцип зависимости человеческой судьбы от положения и социальных обстоятельств, композиционное строение (деление на главы), отталкиваясь от поэтики натуральной школы, в русле которой созданы «Петербургские шарманщики» (1844), «Антон Горемыка» (1847), «Деревня» (1846). Следование тенденциям 1840-х годов также проявилось в характере изображения героев, акценте на неприглядных сторонах жизни, которые могут быть скрыты от глаз. Текст произведения свидетельствует о выходе Григоровича за рамки натуральной школы. В повести «Гуттаперчевый мальчик» писатель усиливает сентиментальный тон и психологизм, вводит религиозную тематику (судьба героя предопределена не только социально, на что наталкивает библейский сюжет, отражённый в эпиграфе) и тему искусства, которая раскрывается на материале детских образов.

Соединение в повести народной и светской культур оказывается связанным с историческими реалиями и ранними произведениями Григоровича. Писатель сохраняет фольклорную поэтику при описании героев, но при этом отказывается от подробного изображения балаганов, которые относятся к формам народного театра. Реалистическая манера раскрытия циркового пространства, внимание прежде всего к закулисной жизни артистов и общей атмосфере определено принципами натуральной школы. Образ цирка, его внутреннего устройства и атмосферы представления не имеет общих черт с эстетикой народного театра, с которым

имеет общие истоки и с которым сосуществовал в XIX веке. Григорович в реалистической манере раскрывает читателям закулисную жизнь цирка как нового явления массовой культуры. Значит, выбранный подход оказался продуктивным, так как открыл новые черты в эстетике народных празднеств. Результаты исследования открывают для дальнейшего изучения места народной эстетики в поэтике натуральной школы и творчестве Григоровича в целом.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Анненкова Е. И. — автор идеи в целом; консультант по отбору материалов для исследования. Текст: логика построения, стилистическая правка.

Косачева И. А. — соавтор в развитии этапов концепции; поиск материалов для исследования, создание текста под руководством автора проекта, его оформление.

Author Contributions

E. I. Annenkova: project conceptualization and management, consulting on research material selection, determining the logical structure and performing stylistic editing of the manuscript.

I. A. Kosacheva: co-developing the project concept, searching for research material, drafting and formatting the manuscript.

Источники

- Григорович, Д. В. (1988a) *Гуттаперчевый мальчик*. В кн.: *Сочинения: в 3 томах. Т. 2: Повести и рассказы (1856–1892); драматические произведения (1873–1891)*. М.: Художественная литература, с. 232–274.
- Григорович, Д. В. (1988b) *Сочинения: в 3 томах. Т. 1: Повести и рассказы (1856–1892); драматические произведения (1873–1891)*. М.: Художественная литература, 623 с.
- Книга Иова (2022) В кн.: *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. М.: Духовное преображение, с. 474.

Список литературы

- Гусев, В. Е. (1977) *Истоки русского народного театра*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, 87 с.
- Гусев, В. Е. (1980) *Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, 94 с.
- Демин, В. Н. (1997) *Тайны русского народа. В поисках истоков Руси*. М.: Вече, 560 с.
- Дмитриев, Ю. А. (1953) *Русский цирк*. М.: Искусство, 234 с.
- Жукова, Н. Д. (2014) Тема детства в рассказах и повестях Д. В. Григоровича. *Вопросы русской литературы*, № 28 (85), с. 38–50.
- Красушкина, А. В. (2017) Вещь VS человек в очерке «Петербургские шарманщики» Д. В. Григоровича. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, т. 17, № 43–1, с. 172–175.
- Лейферт, А. В. (1922) *Балаганы*. Петроград: Изд-во Еженедельника Петроградских государственных академических театров, 74 с.
- Логвинова, И. В., Малянова, А. А. (2020) Образ гуттаперчевого мальчика у Д. В. Григоровича и П. С. Цейхенштейна. В кн.: *Мировая словесность для детей и о детях. Материалы Международной научно-практической конференции, прошедшей в рамках Евразийского научно-методического форума. Выпуск 27*. Ярославль: Литера, с. 52–56.
- Лотман, Л. М. (1955) Григорович. В кн.: *История русской литературы: в 10 томах. Том 7: Литература 1840-х гг.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 596–618.
- Манн, Ю. В. (1989) Натуральная школа: Русская литература первой половины XIX в. В кн.: *История всемирной литературы: в 8 томах. Том 6*. М.: Наука, с. 384–396.
- Мещеряков, В. П. (1976) Григорович (Творческий путь). В кн.: *Избранное*. М.: Художественная литература, с. 3–18.
- Некрылова, А. Ф., Савушкина, Н. И. (1991) *Народный театр*. М.: Советская Россия, 541 с.
- Пропп, В. Я. (1976) *Проблемы комизма и смеха*. М.: Искусство, 183 с.
- Савушкина, Н. И. (1976) *Русский народный театр*. М.: Наука, 151 с.

- Старовойтова, О. А. (2023) Трагедия гуттаперчевого мальчика в историко-культурном контексте (к рассмотрению текста в учебной аудитории). В кн.: *Русская литература в иностранной аудитории. Материалы XIV международной научно-практической конференции. Выпуск 11*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 339–345.
- Тыщук, Д. С. (2021) Особенности проблематики повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик». *Новые горизонты русистики*, № 14, с. 110–116.

Sources

- Grigorovich, D. V. (1988a) Guttaperchevyj mal'chik [The Gutta-percha boy]. In: *Sochineniya: v 3 tomakh. T. 2: Povesti i rasskazy (1856–1892); dramaticheskie proizvedeniya (1873–1891)* [Works in 3 volumes. Vol. 2: Novellas and Stories (1856–1892); Dramatic Works (1873–1891)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 232–274. (In Russian)
- Grigorovich, D. V. (1988b) *Sochineniya: v 3 tomakh. T. 1: Povesti i rasskazy (1856–1892); dramaticheskie proizvedeniya (1873–1891)* [Works in 3 volumes. Vol. 1: Novellas and Stories (1856–1892); Dramatic Works (1873–1891)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 623 p. (In Russian)
- Kniga Iova [Book of Job] (2022) In: *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Dukhovnoe preobrazhenie Publ., pp. 474. (In Russian)

References

- Demin, V. N. (1997) *Tajny russkogo naroda. V poiskakh istokov Rusi* [Secrets of the Russian people. In search of the origins of Russia]. Moscow: Veche Publ., 560 p. (In Russian)
- Dmitriev, Yu. A. (1953) *Russkij tsirk* [Russian Circus]. Moscow: Iskustvo Publ., 234 p. (In Russian)
- Gusev, V. E. (1977) *Istoki russkogo narodnogo teatra* [The Origins of the Russian Folk Theater]. Leningrad: Leningrad State Institute of Theatre, Music and Cinematography Publ., 87 p. (In Russian)
- Gusev, V. E. (1980) *Russkij fol'klornyj teatr XVIII — nachala XX veka* [The Russian folklore theater of the XVIII — early XX century]. Leningrad: Leningrad State Institute of Theatre, Music and Cinematography Publ., 94 p. (In Russian)
- Krasushkina, A. V. (2017) Veshch' VS chelovek v ocherke “Peterburgskie sharmanshchiki” D. V. Grigorovicha [Thing VS man in the essay “Petersburg Organ Grinders” by D. V. Grigorovich]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 17, no. 43–1, pp. 172–175. (In Russian)
- Lejfert, A. V. (1922) *Balagany* [Booths]. Petrograd: Ezhenedel'nik Petrogradskikh gosudarstvennykh akademicheskikh teatrov Publ., 74 p. (In Russian)
- Logvinova, I. V., Malyanova, A. A. (2020) Obraz guttaperchevogo mal'chika u D. V. Grigorovicha i P. S. Tsejkshenshtejna [The image of a gutta-percha boy in the works of V. N. Grigorovich and P. N. According to S. N. Zeikhenstein]. In: *Mirovaya slovesnost' dlya detej i o detyakh. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, proshedshej v ramkakh Evrazijskogo nauchno-metodicheskogo foruma. Vypusk 27* [World Literature for and about Children. Materials of the International Scientific and Practical Conference held within the framework of the Eurasian Scientific and Methodological Forum. Issue 27]. Yaroslavl': Litera Publ., pp. 52–56. (In Russian)
- Lotman, L. M. (1955) Grigorovich [Grigorovich]. In: *Istoriya russkoj literatury: v 10 tomakh. Tom 7: Literatura 1840-kh gg* [The History of Russian Literature: in 10 volumes. Volume 7: Literature of the 1840s]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., pp. 596–618. (In Russian)
- Mann, Yu. V. (1989) Natural'naya shkola: Russkaya literatura pervoj poloviny XIX v. [The Natural School: Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. In: *Istoriya vsemirnoj literatury: v 8 tomakh. Tom 6* [History of World Literature: In 8 Volumes. Volume 6]. Moscow: Nauka Publ., pp. 384–396. (In Russian)
- Meshcheryakov, V. P. (1976) Grigorovich (Tvorcheskij put') [Grigorovich (Creative path)]. In: *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 3–18. (In Russian)
- Nekrylova, A. F., Savushkina, N. I. (1991) *Narodnyj teatr* [People's Theatre]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 541 p. (In Russian)
- Propp, V. Ya. (1976) *Problemy komizma i smekha* [Problems of comedy and laughter]. Moscow: Iskustvo Publ., 183 p. (In Russian)
- Savushkina, N. I. (1976) *Russkij narodnyj teatr* [Russian National Theater]. Moscow: Nauka Publ., 151 p. (In Russian)
- Starovojtova, O. A. (2023) Tragediya guttaperchevogo mal'chika v istoriko-kul'turnom kontekste (k rassmotreniyu teksta v uchebnoj auditorii) [The gutta-percha boy's tragedy in the historical and cultural context (to the problem of studying the text in the educational process)]. In: *Russkaya literatura v inostrannoj auditorii. Materialy XIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vypusk 11* [Russian Literature in a Foreign Audience. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference. Issue 11]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 339–345. (In Russian)

- Tyshchuk, D. S. (2021) Osobennosti problematiki povesti D. V. Grigorovicha "Guttaperchevyj mal'chik" [Peculiarities of the problem of the story of V. D. Grigorovich "rubber boy"]. *Novye gorizonty rusistiki — New horizons of russian studies*, no. 14, pp. 110– 116. (In Russian)
- Zhukova, N. D. (2014) Tema detstva v rasskazakh i povest'yakh D. V. Grigorovicha [The theme of childhood in D. V. Grigorovich's short stories and novellas]. *Voprosy russkoj literatury*, no. 28 (85), pp. 38–50. (In Russian)

Сведения об авторах

Елена Ивановна Анненкова, SPIN-код: 6658-4763, ORCID: 0000-0001-9703-4730, e-mail: elenannenkova@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ирина Анатольевна Косачева, e-mail: kosaceva97@gmail.com

Студентка 2 курса бакалавриата, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Authors

Elena I. Annenkova, SPIN: 6658-4763, ORCID: 0000-0001-9703-4730, e-mail: elenannenkova@mail.ru
The Doctor of Sciences (Philology), Professor or the Department of Russian Literature Herzen State Pedagogical University of Russia

Irina A. Kosacheva, e-mail: kosaceva97@gmail.com

Second-year bachelor's student, Herzen State Pedagogical University of Russia